

ТАИСИЯ ОГАРЕНКО,

кандидат социологических наук, докторант
кафедры социологии и социальной работы
Классического частного университета, За-
порожье

ЛЕОНИД СКИДИН,

аспирант кафедры социологии и социальной
работы Классического частного универси-
тета, Запорожье

Символ в социологической теории

Abstract

The concept-category apparatus of symbols and symbolic interaction is analyzed in this article from the sociological point of view. It is emphasized, that the symbols in the social sciences can be not only the subject matter of special research, but its means that is its methodology as well. Symbol is examined as: social phenomenon, resource of social interaction, adaptive resource, mechanism of selfpresentation and the variety of "social capital". Besides, the authors analyse the sociological problem of uncertainty of concrete contents of the object designated by certain symbol. The position, that the historical evolution is first of all the evolution of forms of symbolic presentation and selfpresentation finds its further confirmation. The systematic review of symbolic interaction within the framework of groups of individual's nearest surroundings, conformities of perception of communicative complexes, mechanisms of self-determination of personality is presented here as well. Specificity of accentuation of symbols on resemblance, similarity, identity and sometimes on difference, exception, peculiarity, unidentity is also revealed in the article.

К постановке проблемы

В естественных и социально-гуманитарных науках широко используют символы. Однако существенное различие состоит в использовании символов и их интерпретации. Естественные науки применяют символы в основном в качестве обозначений, знаков и четко определяют содержание, приписывае-

мое тому или иному знаку. Например, “*F*” в физике — только сила, “*m*” — только масса, “*a*” — только ускорение. Здесь символы — исключительно условные знаки или обозначения. Второе отличие заключается в том, что в этих науках их собственный символизм, как правило, не становится предметом специального исследования. В социальных и гуманитарных науках символы, напротив, могут быть не только предметом, но и средствами исследования, то есть принадлежат к сфере методологии. Иногда такой подход приобретает форму идейного или идейно-образного течения, порой — принципиальной философской позиции. Так или иначе, но основной посыл гуманистический — образно-символическая форма познания мира обеспечивает более адекватное изображение действительности, нежели рационально-чувственная.

Слово “символ” греческого происхождения и этимологически подразумевает значения “объединять”, “сравнивать”. Чаще всего под символом понимают то, что служит знаком или определением другого объекта, того, что этот представляет или означает. То есть за символом стоит широкий круг предметов, явлений, настроений или надежд. Специфика здесь обусловлена даже не широтой охвата, а неопределенностью конкретного содержания того, что этим символом обозначают. В отличие от понятий сфера обозначенного символом не имеет четких границ и выразительных признаков принадлежности. Иногда термин “символ” употребляют в значении “кредо”, например, символ веры. Также, особенно в художественной литературе, можно встретить выражение “символическое изображение”, означающее представление определенного явления через совокупность символов. Условный характер художественного образа отличает символ от мифа; последний существует лишь в той мере, в какой в него верят; символ же существует до тех пор, пока существует то, что он обозначает. Близок к нему термин “символика”, который отражает значение, приписываемое какому-либо предмету: герб, флаг, погоны, кокарда и т.п. Одной из разновидностей символики является эмблема, а в современной жизни — “бренд”.

Итак, символ всегда предполагает многозначность, наслоение смыслов и одновременно сохраняет свою самостоятельность, качественную определенность. Это не воплощение некой абстрактной идеи Добра или Зла, Добродетели или Греха, Наслаждения или Смирения. Символ прежде всего является обозначением и знаком.

В постсоветских переходных обществах социальный символизм получил еще большее распространение и приобрел новые формы существования. Ведь трансформация в виде социальной модернизации “ad-hoc” предполагает, что какое-то время заимствованные общественные формы (модернизация в ее интерпретации “догоняющего развития” всегда связана с заимствованиями и перенесением на собственную почву чужого опыта) должны функционировать скорее в символической или метафорической, нежели в собственной физически-предметной форме.

Сложные и неоднозначные последствия социально-политических преобразований в институциональном пространстве Украины и России стимулировали значительный интерес социологов к проблемам функционирования и генерации символики, что до недавнего времени считалось прерогативой философии.

Наиболее основательной работой по этой теме в постсоветской социологии является монография А.Кармадонова [Кармадонов, 2004]. Автор четко

определяет предмет исследования, осуществляет всесторонний систематизированный анализ литературы. В обобщенном виде цитируются произведения С.Булгакова, В.Иванова, А.Белого, А.Лосева (см., в частности: [Лосев, 1982]) и др. Вместе с тем А.Кармадонов приходит к выводу, что в современной российской литературе, и в том числе в социологической, пока отсутствуют серьезные и масштабные исследования данного социального феномена.

Отдельные ракурсы осмысления названного феномена частично представлены в специальной литературе, например исследования Л.Ионина [Ионин, 1996], где символическое взаимодействие рассматривается как один из механизмов презентации и потребления продуктов культурного производства. А.Ковальчук рассматривает эту проблему сквозь призму культурного производства и потребления [Ковальчук, 2000], а В.Шинкаренко — через структуру социокультурного пространства [Шинкаренко, 2005]. Е.Листвина пытается использовать художественную символику для диагностирования культурной ситуации в России [Листвина, 2001]. А.Сергеева изучает специфику российских национальных образцов социального поведения, приближается к описанию и теоретическому моделированию ее стереотипных форм и констатирует определяющую роль символических форм коллективной ментальности [Сергеева, 2004]. Интересна попытка таких российских исследователей, как А.Пелипенко и И.Яковенко, интерпретировать культуру как определенную систему символических форм выражения и самовыражения [Пелипенко, 1998]. В этом же направлении работает А.Соколов [Соколов, 2003]. Несколько экзотическими, хотя и оправданными, выглядят усилия А.Олейника исследовать феномен субкультуры тюрьмы [Олейник, 2001]. Имеются также исследования на стыке социологической и эстетической проблематики (см., в частности: [Теплиу, 1996; Щепанская, 1993; Лебедева, 1996; Лихачева, 2000]).

Первые работы, посвященные социальным аспектам проблематики символов, появляются и в Украине. К примеру, В.Бурлачук доказывает, что: символы, интерпретируемые средствами массовой информации, являются концентрированной формой социальных процессов; социальный ритуал — механизмом формирования человеческого опыта; праздник — особым социальным временем, пространством и формой поведения, которые, по его мнению, являются вульгарно-бытовым перевоплощением ритуала; а политика и власть — процессом символического взаимодействия и символического определения и трактования социальной ситуации [Бурлачук, 2002].

Вместе с тем остается нерешенным вопрос комплексного социологического исследования символа и создания соответствующей методологической базы. Таким образом, цель статьи — аналитический обзор сложившихся в социологии подходов по изучению символической проблематики.

Символ как социальный феномен

Феноменологическое направление в социологии тесно связано с аналогичным течением в философии и имеет с ним общий способ теоретического мышления. Наиболее последовательным сторонником феноменологического подхода можно считать А.Шюца. В определении символа для Шюца имеет значение лишь то, что тот всегда указывает на нечто отличное от него самого. Между тем символ является и выражением определенных намере-

ний, амбиций, позиций, надежд, идеалов, потребностей, которые иначе (то есть в другой системе знаков, скажем, через понятие) либо не могут быть в принципе выражены, либо будут иметь более слабую побудительную силу. На этом обстоятельстве акцентируют внимание как предшественники, так и современники А.Шюца: Г.Блумер, Дж.Мид, П.Бурдьё, Н.Элиас и наш соотечественник Ю.Лотман [Лотман, 2000].

Рассматривая предмет исследования в онтологической и гносеологической плоскости, Шюц не поднимает вопрос о причинах, мотивации и механизмах трансформации символических систем. Не затрагивает он этих проблем и в свете индивидуального и коллективного поведения. Такие введенные Шюцем выражения, как “мир моей актуальной достижимости”, “потенциально достижимый для меня мир”, “манипуляционные сферы”, “осуществление проектов повседневности”, остаются почти не верифицированными эмпирически умственными конструкциями. Хотя он признает, что “манипулятивная сфера есть зона, открытая для нашего непосредственного вмешательства”, и что “естественными представлениями в повседневной жизни руководит прагматический мотив” [Schutz, 1972: p. 173], все это остается случайными включениями или догадками. Поскольку дальше таких абстрактных обозначений для явлений символического взаимодействия людей, как “метка” или “указатель”, автор не идет. Даже в интерпретации мотивации он ищет символы согласия в отношении одних и тех же представлений, а не в отношении одних и тех же действий. Итак, это скорее знаки единомыслия, координированного мышления, согласия в отношении определенных представлений адаптации к навязываемой некоторыми коллективными субъектами “картины действительности”. Ведь даже эффективная социальная коммуникация имеет своим содержанием и назначением, в лучшем случае, взаимопонимание, а не взаимное признание. Поэтому у А.Шюца на передний план выходят такие аспекты социальной деятельности, как командность, распоряжения, подсказки, регламент, приспособление, обратная реакция и т.п. Ей также присуща акцентуация на таких умственных интеракциях, как восприятие, оценка, приспособление, согласование, самоконтроль. Теорию символов А.Шюца, с учетом этого, только с некоторыми оговорками можно назвать социологической. Это скорее социологически ориентированная теория познания, в которой символы выступают одновременно и объектами исследования, и способом опредмечивания знания.

Символ как ресурс социального взаимодействия

Оценки интеракционизма в специальной литературе существенно разнятся. Одна из его аксиом — человек и социальный мир являются не столько онтологической реальностью (миром вещных предметов или объектов), сколько миром символов и знаков. Именно здесь — истоки общественной организации, культуры, сущности человеческих форм коммуникации, самоопределения и самоидентификации человека и т.п. Соответственно, историческая эволюция тоже прежде всего является эволюцией форм символической презентации и самопрезентации. Значения лучше всего фиксируются в символах; они никогда не являются стабильными и непоколебимыми, а всегда — изменяющимися и плывущими.

Научные намерения одного из предшественников интеракционизма Ч.Кули заключались в том, чтобы снять традиционный дуализм “индивид — общество”, рассматривая их взаимодействие как тесный и органичный синтез. Он также старается преодолеть противопоставление физического и умственного бытия человека, рассматривая их взаимодействие как функциональную целостность. С этой целью Кули вводит такую образную метафору, как взаимное образное видение людей через взаимное отражение их действий и намерений в действиях и намерениях других (широко известное “зеркало Кули”). Заслуживает внимания и введенное ученым понятие первичной группы, связи в которой имеют особо тесный, эмоционально насыщенный, интимный и непосредственный характер. Нас это социальное пространство интересует потому, что оно наиболее насыщенное и буквально пронизано символизмом. Ведь символ, как будет показано дальше, существует настолько, насколько он воспринят эмоционально.

Основателем интеракционализма стал Дж.Г.Мид. Изданная после его смерти работа “Дух, самость и общество” [Mind, Self and Society, 1934] заложила тематические и идейно-методологические основания этого направления: исследование опыта через анализ языкового взаимодействия, символических актов и жестов, других элементов ролевого поведения, благодаря чему центральным моментом для характеристики человеческой деятельности становится не статус, как это было традиционно, а роль. Тематика концепции Мида сконцентрирована вокруг таких проблем, как язык и процесс языковой коммуникации, символическое взаимодействие в рамках групп ближайшего окружения индивида, закономерности посылания и восприятия коммуникативных комплексов, механизмы самоопределения личности и т.п.

Фундаментальным принципом концепции Дж.Г.Мида является сочетание следующих утверждений: 1) биологическая ограниченность человека как организма побуждает его сотрудничать с другими ради выживания; 2) такие действия постепенно закрепляются в определенных знаках (символах), систематизируются и передаются горизонтально (в процессе актуального взаимодействия) или вертикально посредством межгенерационной преемственности. Благодаря этому возникает символическое действие и взаимодействие людей, благодаря чему у них формируется способность обозначать окружающий мир; вырабатывать альтернативные модели поведения; отбрасывать неоправданные линии поведения и закреплять продуктивные. Отфильтрованные опытом и предписанные обществом в форме “значений” символические сигналы или конвенционные жесты повышают эффективность взаимодействия. Вместе с тем, воспринимая и интерпретируя символические жесты, человек социализируется, приобретает способность жить в обществе, критерием чего, по мнению Мида, выступает способность воспринимать роль другого. Осуществляя внутреннее прочтение и интерпретацию конвенционных жестов или символических знаков, индивиды повторяют и закрепляют в воображении возможные варианты действия, выбирая наиболее целесообразные из них, облегчая взаимное приспособление и кооперацию людей и координацию их деятельности.

Внутренними связующими элементами личности служат совокупность установок, стремлений и значений как в отношении самого себя, так и по отношению к другим, что позволяет говорить об определенном типе личности. Дж.Г.Мид выделяет три стадии развития личности: 1) игра (возникают пер-

вичные образы “Я”); 2) коллективная игра (формируется способность к смене ролей); 3) принятие роли обобщенного другого (индивид окончательно становится социальным существом) [Тернер, 1985: с. 223–228].

Однако отношения общества и личности остаются у Дж.Г.Мида весьма неопределенными. Некоторую конкретизацию его концепции дает теория ролей Дж.Морено. В работе “Кто должен выжить” (1931) он определил общество как систему ролей, ограничивающих и направляющих поведение людей. Автор предложил рассматривать общество как сеть ролей, предназначенную направлять поведение людей и ограничивать его. Развивая эту мысль, антрополог Р.Линтон в статье “Исследование человека” (1936) ввел в научный оборот понятия “статус”, “роль” и “личность”, рассматривая статус как совокупность прав и обязанностей человека, роль — как динамичный аспект статуса, а личность — социально обусловленный статус, который индивид реализует через определенную роль. Таким образом, доминирующее свойство человека как социального существа заключается в способности принимать определенные социальные роли и создавать образы “Я”. Понятно, что субъективная активность человека и его социотворческая направленность остаются при этом в тени.

В контексте нашей статьи нельзя обойти вниманием Г.Блумера, которому, собственно, и принадлежит понятие символического интеракционализма. Главный объект исследования этого направления ученый определяет как внутригрупповое взаимодействие. Ключевые тезисы этого теоретика таковы: 1) человеческое действие всегда основано на том значении, которым субъект действия наделяет предмет действия; 2) это значение формируется и придается определенному объекту действия благодаря или в зависимости от коллективного взаимодействия, в процессе которого происходит приписывание объекту определенного значения; 3) приписанное значение конкретизируется и корректируется в зависимости от дальнейшего коллективного опыта [Blumer, 1969: р. 114]. В соответствии с этим Г.Блумер ставил перед социологами задачу путем конкретных наблюдений фиксировать и анализировать эволюцию коллективного символизма в зависимости от опыта и внешних обстоятельств деятельности.

Таким образом, целью интеракционистов было создание “великой” социологической теории, которая бы объясняла все формы человеческого взаимодействия и самоорганизации. У сторонников Дж.Г.Мида общество становилось миром символического порядка через преодоление диалектических противоречий относительных расхождений по поводу интерпретации “коммуникативных жестов”; а у симпатиков Г.Блумера рассматривалось как сфера становления перманентного интерпретативного порядка. Однако неизменными оставались идея символической презентации статуса и несколько ключевых убеждений: 1) содержание человеческой (символической) коммуникации никогда не фиксируется или кодируется заранее; оно возникает и трансформируется в процессе самой коммуникации; 2) символический порядок всегда довольно неопределен, противоречив, многозначен. Даже когда в результате повторяющихся действий символический акт превращается в “обычную” или “взаимно ожидаемую перспективу”, нет полного единодушия в его понимании; 3) структура содержания символической коммуникации состоит из символических жестов или знаков (исходное послание), ответа респондента (другого) на этот призыв и символической

связи между субъектами взаимодействия; 4) содержание символической коммуникации определяется интерпретацией, так или иначе “вписанной” в социальный процесс. Иногда она составляет отдельный момент социально-го взаимодействия, а иногда полностью сводится к нему.

Разумеется, символический интеракционализм существенно расходится с классическими принципами социологических исследований, смыслом и внутренней интенцией которых является познание социального мира “таким, каков он сам по себе”. С точки зрения символического интеракционализма мы познаем скорее социальные процедуры, “сообщения другим” и дешифровку тех “значений”, которые мы уже приписали социальным явлениям. При таком подходе существенно трансформируется сам предмет социологического исследования: им становится не социальная система, а социальные акторы, роли и символические формы их представления. Символический интеракционализм создал необходимые идейно-методологические предпосылки для появления структурного функционализма, который формировался путем критики исходных оснований символического интеракционализма с позиции структуралистской методологии.

Символ как адаптивный ресурс

Согласно общей методологии структурного функционализма символ и символическое действие являются элементами определенной структуры. В частности, Т. Парсонс считал, что символы — это элементы культурной традиции, верований или ритуала. Наряду с этим, по мнению ученого, разнообразные элементы ситуации приобретают особые значения как знаки или символы [Современная, 1994: с. 163]. Вместе с тем символы интерпретируются и как коммуникативный ресурс. В соответствии с этим символически представленная или воспринятая система коммуникации означает культуру, которую структурные функционалисты, в свою очередь, отождествляют с обществом. Таким образом, общество (как онтологически-бытийная символическая система) познает самого себя (как символическую систему) через самого себя (как особую символическую систему), опредмечивая результаты познания в определенной символической форме. В этом плане структурный функционализм можно считать тотальным символизмом.

Роль и структуру символических систем Т. Парсонс рассматривает в контексте их связи с разными аспектами социальной системы. Общество или система культуры реализуются через символизм, который затем особым образом модифицируется в каждой из подсистем. В экономике таким действенным символом являются деньги, представляющие товары, услуги или информацию, их себестоимость и цену. Вместе с тем общее состояние экономики характеризует адаптированность общества к окружающему миру. Политическая система поддерживает выбранные обществом ценностные ориентации, представленные в символах порядка, стабильности и самоидентификации социальной системы на разных этапах исторической эволюции. Право представляется обществу в символах социального контроля (формализованная процедура обвинения, приговора и наказаний).

Учитывая, что доминирующим предметом исследования в структурном функционализме является социальный порядок, можно сказать, что структурно-функционалистская концепция символического поведения акцентиро-

вана на адаптивных и консолидирующих качествах символа. Символ при таком подходе становится средством социального наказания (позже у П.Бурдьё это стало выражаться как символическое принуждение и давление). От себя можем добавить: а также становится формой символического террора. Ведь собственно террор в целом — не что иное, как механизм символического запугивания, принуждения и наказания (например, диффамация — осуждение в СМИ публичных людей, особенно политиков).

Таким образом, в символическом интеракционизме движение происходит от индивида к символу (через межиндивидуальное взаимодействие), а в структурном функционализме — наоборот. В первом случае символизация равна объективации межперсональных намерений и стремлений, во втором — персонализации уже объективируемых символов и символических значений. В символическом интеракционализме индивиды стремятся создать приемлемый для себя социальный порядок, в структурном функционализме — признать его легитимным, оправданным и неизбежным. Иными словами: символический интеракционализм озабочен тем, как формируется социальный порядок и потом закрепляется в легализованных символах; структурный функционализм — тем, как уже созданный социальный порядок дополнительно утверждает себя через усвоенный индивидами символический порядок.

Символ как ресурс трансформации

Норберт Элиас является одним из тех исследователей, которые обосновывают необходимость и обнаруживают теоретические возможности историко-логического подхода к символу. Ведь базовым элементом своей теории познания и методологии социального анализа он выдвигает символ (а не понятие, на чем базируется классическая теория познания). Однако историзм Элиаса проявляется в том, что он акцентировал внимание на историческом процессе, разграничивая в нем такие важные моменты, как эволюция и развитие.

Социальное развитие Элиас толкует как накопление и дальнейшую передачу жизненных шансов и средств выживания. Разделив исторический процесс на эволюцию и развитие, ученый в дальнейшем концентрирует внимание на выявлении единицы, через которую транслируются их достижения. Такой единицей, по его мнению, в исторической эволюции является ген, в социальном развитии — символ. Элиасово трактование исторической эволюции, как видим, имеет несколько вульгарно-дарвинистский характер. А вот интерпретация им социального развития как накопления символического опыта приближается к нашей проблематике. При этом Элиас толкует символический опыт непропорционально широко. Он включает сюда передачу не только собственно символического опыта, но и знаний, стандартов и поведения в целом. Понятно, что это — необоснованное расширение понятия символа, в силу чего вся совокупность окружающего социального мира, человеческой деятельности и самодетельности сводится сугубо к символизирующему аспекту [Elias, 1991].

Аналогичные рассуждения можно найти у Ш.Эйзенштадта, который делит модели социальных трансформаций на эволюционные, циклические, конфликтные и функционалистские [Эйзенштадт, 1999]. Каждая из них ак-

центрирует внимание на своей интерпретации социальных трансформаций. Приверженцы исторического символизма утверждают, что она (социальная трансформация) происходит незаметно, медленно, без предварительного коллективного проекта будущих преобразований и без сознательного управления ими. В частности, принцип “невидимой руки” А.Смита заключается в том, что новый социальный порядок образуется как интегративное следствие великого множества пересечений индивидуальных интересов, воли и стремлений. Он есть то, чего никто непосредственно не хотел и не добивался. Теории циклов (О.Шпенглер, А.Тойнби, П.Сорокин) рассматривают исторические изменения как непрерывно повторяющийся процесс, а конфликтологические — как последовательный и объективно необратимый процесс решения невиданных социальных конфликтов. Функционалисты не отрицают наличия и необходимости решения конфликтов, однако пытаются отыскать легитимные механизмы их преодоления. Во всех этих течениях повторяется тезис о том, что любые существенные преобразования включают и момент трансформации символической картины действительности.

Но наиболее продуктивной нам представляется концепция социального действия французского социолога А.Турена, который рассматривает символ вообще и культурный символизм в частности как один из ресурсов данной социальной группы (у А.Турена это господствующий — руководящий класс), являющейся носителем нового исторического процесса общества и легитимирующей его, добиваясь одобрения и поддержки среди широких слоев населения (подр. см.: [Гавриленко, 2000: с. 208]).

Символ как механизм самопрезентации

Понимание символа как механизма самопрезентации является одним из ответвлений символического интеракционализма. В его основе лежит неприятие и критика кантовско-дюркгеймовского образа общества как чего-то, заранее созданного, что предстает перед исследователем в виде относительно завершенной конструкции, которую только нужно изучить, чтобы понять ее законы и механизмы. Поэтому основным предметом анализа, как и фундаментальным понятием И.Гоффмана, является не структура, как у Э.Дюркгейма, а ситуация.

Из Гоффманового определения общества следует и соответствующее определение личности: это непрерывный процесс становления как взаимного приспособления, но не приспособление к уже существующим нормам и правилам путем их усвоения (как у Т.Парсонса), а их (норм и правил) перманентное создание и преобразование. Большинство социологов в какой-то мере считают И.Гоффмана основателем драматургического метода в социологии. И хотя он работал в рамках интеракционистской методологии, его вклад в социологию относительно самостоятельный и значимый, прежде всего в исследованиях повседневного поведения. В основе этих отношений, по мнению Гоффмана, скрыт определенный заранее задуманный сценарий поведения и его “разыгрывание” перед “публикой”, ожидание ее одобрения и поддержки или корректировки в случае негативной реакции. Именно эти акценты позволяют аналитикам отнести Гоффмана к основателям “социальной драматургии”.

В дальнейшем И.Гоффман применяет свой метод посредством анализа поведения человека в сфере девиантных отношений. На это указывают сами названия его работ: в первом случае — “пристанище” (в значении сиротских или подобных им приютов) и во втором — “клеймо”, “печать” — в значении негативной социальной оценки и соответствующего действия. Первая работа анализирует поведение людей, которых так или иначе “заклеймили”, вынесли о них негативное суждение, дали неодобрительную оценку и подвергли коллективной или социальной изоляции. Во второй — внимание акцентируется на поведении людей в психиатрических больницах, тюрьмах, монастырях и прочих подобных заведениях. Они, по определению Гоффмана, составляют “тотально” репрессивные структуры, нормативные правила которых направлены не просто на дисциплинизацию и формальный контроль за поведением человека, а на лишение ранее приобретенной им идентичности, по сути — обезличивание человека. Исследуя репрессивные учреждения, Гоффман выходил на более широкую проблематику — тоталитарного социального порядка.

Очевидно, что, сузив предмет исследования до особого сегмента социальной реальности, И.Гоффман вынужден использовать определенный ситуационный набор понятий и терминологии в целом. Таковыми, в частности, являются “замысел” (сценарий будущего поведения), “исполнение”, “соучастие”, “присутствие”, “представительство”, “статусные символы”, “поддержка”, “признание”, “одобрение” и т.п. Специфическими в этом случае являются предмет, а также его эмпирическая база исследования: игра, “декорация” сцены, одежда, ритуальные действия, реплики, оговорки, статусные символы. Общественное взаимодействие при этом сводится к процессу взаимного создания впечатлений, которое, в свою очередь, делится на невольное самовыражение (автоматическое или инстинктивное самопредставление) и нацеленное (или сознательное) либо предварительно спланированное самовыражение и невольное (малоосознанное).

Итак, символ не является непосредственным предметом исследования у И.Гоффмана. Более того, он практически не употребляет этого термина. Однако его концепция является прямым ответвлением от символического интеракционизма, а все его произведения описывают именно причины, механизмы и последствия символического (а точнее, символьного) взаимодействия людей, групп и организаций (см., в частности: [Goffman, 1961; 1963]).

Символ как разновидность “социального капитала”

Постмодернистская социология, к которой большинство исследователей относят и П.Бурдьё, характеризуется повышенным вниманием к проблеме символов и символического взаимодействия. Понятие “символический капитал” и основные подходы к его анализу Бурдьё сформулировал уже в своих ранних работах. Изучая родственные связи местных жителей в Алжире, он обратил внимание на то, что они являются определенным ресурсом или “капиталом”, который используется людьми как средство выживания, притязаний на статус или его подтверждения, закрепления и стабилизации своего положения в своем социальном окружении [Bourdieu, 1962].

Исследователь рассматривает существование человека как деятельность в пределах определенного социального пространства, где, используя

разные формы доступного ему капитала (экономический, политический, культурный, символический), он стремится занять и отстоять от посягательств конкурентов определенную социальную позицию, или статус. Частично действия человека детерминированы габитусом — предписанными определенной группой необходимыми формами поведения, в котором аккумулируется приобретенный определенным объединением исторический опыт (см., напр.: [Погорілий, 1996: с. 202–203]). Частично — свободны, поскольку люди могут определять собственное поле взаимодействия и выбирать среди доступных ресурсов наиболее адекватные для достижения поставленных целей. Одним из них является символ или символический капитал, который в контексте определенной нами проблемы оказывается главным предметом анализа.

Не лишне напомнить, что П.Бурдьё, как и большинство критически настроенной французской интеллигенции этого периода, находился под серьезным влиянием марксистской идеологии и методологии. Поэтому у него главными субъектами социального взаимодействия выступают классы, в его основе лежат классовые интересы, а целевой установкой является оправдание и дальнейшая легализация своего господствующего положения со стороны элитных слоев.

Автор утверждает, что реальное существование классовых групп символически проявляется во всем образе их жизни: питании, одежде (в виде моды: роль всегда определенным образом “одета”) и т.п. Это могут быть и другие предметы: дом, транспорт, место жительства, формы досуга, взаимоотношения в семье, оформление жилища и др.

Особое значение приобретает размежевание “технического” и “символического” существования предметов и поведения людей. В некоторых случаях техническая структура почти лишена символической нагрузки, например, сельскохозяйственные имения сами по себе. Иногда технический “знак” практически не соотносен с символом, который он презентует: церковь безотносительно к ее архитектурному и культурному профилю в любом обществе всегда можно отличить от сооружений сугубо функционального назначения. А в таких вещах, как еда и питание, транспорт, здания и т.п., символ как бы органично “вписан” в техническую структуру, поэтому функциональное и символическое здесь взаимно трансформируются.

Классовый момент, по мнению П.Бурдьё, заключается в дифференциации как мотивации, так и механизмов такого рода “представления себя другим”. Он считает, что народные классы стремятся к такой имитации менее всего; они мало озабочены проблемой “жизни для других”, поскольку ресурсы мизерны для этого. Не слишком обеспокоены этим и элитные группы. Их ресурсов презентаций вполне достаточно, чтобы не прилагать значительных дополнительных усилий. Жилище, одежда, транспортные средства, опрятная внешность, место жительства, которое всегда также пространственно отделено, не требуют дополнительных пояснений.

Более всего усилий в этом направлении прилагает мелкая и средняя буржуазия. Эти группы занимают переходное положение и потому постоянно озабочены тем, чтобы презентовать себя “другим” с самой лучшей стороны, чтобы добиться их одобрения и признания. При этом представители маргинальных категорий постоянно вынуждены прибегать к имитации: мелкая буржуазия, как правило, имитирует “народ”, а средняя — “элиту” [Bourdieu, 1982: p. 144].

Конечно, положение среднего класса в действительности является промежуточным, а значит некая неопределенность в поведении, образе жизни, проведении досуга, наконец, в технологии символической самопрезентации имеет место. Однако общая тенденция заключается в том, что противоречия между классами и стратами приобретают менее выразительные черты, а значит, все больше будут нуждаться в непрямых, символических формах дифференциации, самопрезентации и самовыражения.

Будучи основным контролером экономического капитала, господствующий класс гарантирует себе сильные позиции и в сфере символического взаимодействия. Ведь именно он — основной потребитель элитных форм культуры, образования, потребления и проведения досуга. Вот почему господствующему классу нетрудно определять элитную культуру и ее символическое представление как единственно возможные и законные. Для этого, по мнению Бурдьё, существуют механизмы семейной социализации, школьного и высшего образования. Именно здесь происходит трансформация ресурсов: экономический капитал становится образовательным, чтобы затем на внеобразовательном рынке должностей и карьер снова обрести материализованную форму.

Символизацию своего положения со стороны высших слоев облегчает и то, что их действия и внешнепредметное воплощение их выглядят как проявление свободы, вкуса, красоты, совершенства, чистоты, здоровья, счастья и т.п. Вместе с тем со стороны угнетенных классов преобладают проявления несвободы, несчастья, вульгарных потребностей и дурного вкуса, ординарности, бездарности, необразованности, невоспитанности и т.п. Итак, в первом случае имеем дело с символами превосходства, а во втором — дефицита, бедности, неспособности и несовершенства. В таком понимании символы являются одновременно заявкой на определенный статус и ее знаковым оформлением. Иногда символы акцентируются на схожести, сходстве, идентичности, а иногда — на отличии, исключительности, особенности, непохожести. Целевая задача такого типа символических действий нередко состоит в том, чтобы выдать природное за социальное (например, оправдание неравноправного социального положения женщины ее природными особенностями) или социальное — за природное (например, господствующего положения — “прирожденными” талантами).

Таким образом, концепция символического капитала П.Бурдьё базируется на механизмах различения, ассимиляции, дифференциации и интеграции, завершением которых является обращение к “своим” в поисках их одобрения и отклонения “других”, пренебрежение или непочтение к их символическим “посланиям” [Bourdieu, 1979]. Концепция социальной реконверсии капиталов очерчивает существенные аспекты и механизмы символического взаимодействия. Отбросив чрезмерную классовость данной теории, а также учитывая исторически обусловленные ограничения методологии, ее можно применить как один из важных источников анализа заявленной нами проблемы.

Выводы

В этой статье мы попытались сделать аналитический обзор некоторых подходов по изучению символической проблематики и можем констатиро-

вать: **во-первых**, в социологии сформировалось определенное многообразие концепций символов и символьного взаимодействия, которое схематически можно объединить в шесть рассмотренных выше типов. Долгое время трактовка символов оставалась компетенцией философии и эстетики; обществоведы заинтересовались ими только в начале прошлого века. Однако именно социологам удалось создать наиболее масштабные концепции и теоретические модели символа не только как сугубо культурологической реальности, но и как живой ткани межличностных взаимоотношений, презентации себя другим и социального развития. При этом почти все исследователи, работавшие в этой области, так или иначе обязательно обращались к феноменологии — опирались на нее, критиковали, анализировали, но не обходили стороной исследовательское наследие этого научного течения, ставшего первой протосоциологической теорией символов в рамках философии. Ведь творческие достижения основателя феноменологического направления А.Шюца до сих пор по-настоящему не постигнуты гуманитариями. Это — дело будущего.

Во-вторых, исследуемая проблема междисциплинарная и включает несколько аспектов: 1) эпистемологический (символ как средство познания и овеществления полученных знаний); 2) гносеоконвенциональный (символ как признак интегрированности-консолидированности, принадлежности); 3) эстетический (символ как обозначение содержания явлений или процессов: от трагического до комического); 4) терапевтический (символ как способ утешения, облегчения, снятия напряжения); 5) социально-коммуникативный (символ как корреспонденция и трансляция посланий или намерений); 6) стратификационный (символ как инструмент выделения и закрепления социального статуса, деления социального пространства на статусные сегменты).

В-третьих, анализ соответствующей литературы свидетельствует, что символы и символические формы социального взаимодействия постепенно становятся органичной и необходимой частью не только сугубо теоретического, но и эмпирического анализа, объектом конкретных социологических исследований. По нашему мнению, большие перспективы в этом ракурсе открывает сравнительный анализ символов разных культур, народов и исторических эпох, надежную методологическую базу которого можно найти у интеракционистов. Не менее актуальным представляется изучение символа как ресурса социальной адаптации, что позволяет не только эмпирически верифицировать несколько абстрактные и расплывчатые теоретические постулаты структурных функционалистов, но и вплотную приблизиться к апробации концепции символического капитала П.Бурдьё применительно к отечественным институциональным условиям. Еще одну важную для трансформирующихся обществ задачу можно реализовать на основании подхода, ставящего целью рассмотрение символов в контексте исторической эволюции.

В дальнейшей разработке этого направления нам видится перспектива анализа, в первую очередь символа как механизма самопрезентации социальных субъектов, с выходом на методологические основания таких теорий, как символический интеракционизм, теория “социального капитала” П.Бурдьё и концепция “представления себя” И.Гоффмана. Считаем перспективным объединение, на определенных основаниях, структуралистского и персоналистского подходов, сочетание в едином концептуальном це-

лом структуралистских “статусов” с акционалистскими “ролями”, с тем, чтобы выявить специфические механизмы их относительной автономности, взаимной трансформации и символических самопрезентаций с целью легитимации и легализации.

Литература

Бурлачук В.Ф. Символ и власть: роль символических картин в построении социального мира. — К., 2002.

Гавриленко І.Н. Соціологія : У 2-х кн. — К., 2000. — Кн. 2. Соціальна динаміка.

Ионин Л.Г. Основа социокультурного анализа. — М., 1995.

Ионин Л.Г. Социология культуры. — М., 1996.

Кармадонов А. Социология символа. — М., 2004.

Ковальчук А.С. Социально-культурная деятельность.— Орел, 2000.

Лебедева Т.Е. Искусство обольщения. — М., 1996.

Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация. — Саратов, 2001.

Лихачева Л.С. Этикет в социальном взаимодействии. — Екатеринбург, 2000.

Лосев А. Знак. Символ. Миф. — М., 1982.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. — СПб., 2000.

Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России. — М., 2001.

Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как символ. — М., 1998.

Погорілий О.І. Соціологічна думка ХХ століття. — К., 1996.

Сергеева А. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М., 2004.

Современная американская социология : тексты. — М., 1994.

Соколов А.В. Феномен социально-культурной деятельности. — СПб., 2003.

Теплю К.Т. Все для всех: массовая культура и современный человек. — М., 1996.

Тернер Дж. Структура социологической теории. — М., 1985.

Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Игра, ритуал, магия. — М., 2005.

Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. — СПб., 1993.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. — М., 1999.

Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. — Berkeley, 1969.

Bourdieu P. Ce qua parler veunt olire. — P., 1982.

Bourdieu P. La olistauetion. — P., 1979.

Bourdieu P. The Alyerians. — Boston, 1962.

Elias N. The civilizing Proces. — Oxford, 1991.

Goffman E. Asylums. — N.Y., 1961.

Goffman E. Stigma. — N.Y., 1963.

Schutz H. The Phenomenology of the Social Word. — L., 1972.

Tourain A. Sociologie de l'actiou. — P., 1965.